

Словцов Р. Промахи писателей // Новое русское слово. 1933.

5 февраля. № 7315. С. 8.

Промак писателя

«Гоголь совершенно не знал реальной русской жизни». — Под таким заглавием известный историк литературы С. А. Венгерова напечатал лет 20 назад статью, вызвавшую немалый шум. «Автор «Ревизора» и «Мертвых душ», в которых отразилась — говоря установившимся шаблоном, «вся Россия», на самом деле воочию эту самую Россию, можно прямо сказать, никогда не видел», — писал Венгерова. — Знал Гоголь только Малороссию и Петербург. Это утверждение совершенно беспорочно. Осенью 1832 года Гоголь повез из дому двух своих маленьких сестер в Петербург определять их в Патриотический институт. Под Курском экипаж их сломался, и Гоголь был принужден прожить целую неделю в «скучном и немом Курске», как писал он Плетневу. Это единственный случай, когда он имел возможность наблюдать русский губернский город. Жил он в гостинице и навряд ли много видел, кроме своего трактира, уличных вывесок и городского сада. (Из первоначальных набросков «Ревизора» ясно, что Гоголь привез Хлестакова как раз в Курск и в курский трактир). Кроме того Гоголь три раза ездил из Полтавской губ. в Петербург и два раза из Петербурга к себе, в Полтавскую губернию. Обыкновенно спешил, никуда не заезжал и ехал безостановочно. По подсчету Венгерова, итог непосредственного изучения Гоголем рус-

ской провинции таков: — 27 дней езды и 7 дней в Курске до появления «Ревизора» и 20 дней безостановочной езды в промежутке между «Ревизором» и отъездом в 1836 году за границу, где и были написаны «Мертвые души».

Действительно, еще и до появления гоголевской «эпопеи» его упрекали в плохом знании России. Аксаков вспоминает, как поразила неверный состав провинциального общества в «Ревизоре»: пропущены стряпчий, казначей и исправник. В «Мертвых душах» председателей дворян, крестьяне продавались на вывоз обязательно с семействами, а Чичиков отказался покупать женский пол; без доверенности, выданной в присутственном месте, нельзя было продать чужих крестьян, а между тем, и Коробочка, и Плюшкин выдавали доверенности заочно, да, кроме того, председатель, получивший доверенность от Плюшкина, мог быть в одно и то же время и поверенным и присутствующим. Но зато Гоголь «широко», знающие люди замечали, что «иначе уж таких шуток не употребляют, никто не занимается изучением рисунка обратной стороны карт». «Женитьба» полна грубейших промахов. Совершенно немалым, что бы в купеческом быту стали играть свадьбы в тот же день, — произошло сватовство, — без согласия, без помощи, без священника. Да и священник не ед-

права венчать без предварительного «оглашения» в церкви в течение трех воскресений подряд*).

Вопрос о том, знал ли Гоголь Россию, связан с основным вопросом оценки его творчества, — был ли он реалистом, сатириком, обличителем «бедности и несовершенств» жизни или создавал фантастические образы, далекие от реальности. Нужно сказать, что, несмотря на некоторые бытовые ошибки, Гоголь нарисовал и обширные полотна русской жизни и отдельные ее типы с несравненной внутренней и внешней правдой.

Есть у Гоголя промахи и другого рода, свойственные многим великим писателям, — это невязка в отдельных художественных картинах, противоречия в изображении. На них не раз указывалось, и я напомню только один пример, бросающийся в глаза даже невнимательному читателю. Вся первая часть «Мертвых душ» — приезд Чичикова в город Н. и путешествие по помещикам происходит летом — на это есть множество указаний в тексте. Но когда, вернувшись из поездки, Чичиков на другой же день отправляется в гражданскую палату совершать купичные кресты, на нем почему-то летний день оказывается медвежья шуба, и не только на нем — и на Манилыне. Чичиков, — читаем в 7-й главе «Мертвых душ», — «тащил на плечах медвежью, крытого коричневым сукном, и на самом повороте в переулок столкнулся тоже с господином в медвежьих, крытых коричневым сукном, и теплом картузе с ушами». Это был Ма-

нилов. А после завтрака у Плющичеймейства, где чествовали нового помещика, Чичиков возвращается в гостиницу на прокурорских дрожжах, как и полагается летом.

Трудно понять, как могли повлиять у Гоголя медвежья шуба среди лета, как непонятна сходящая ошибка у такого внимательнейшего к мелочам писателя, как Чехов, в его повести «Три года». Герой повести, Алексей Лаптев, женился на Юлии Сергеевне в губернском городе осенью. «Свадьба была в сентябре, и в тот же день молодые уехали в Москву». Путешествие могло продолжаться едва ли больше, чем день-два. И в первое же воскресенье по приезде, значит, самое позднее в начале октября, Лаптев, — читаем мы, — «в одиннадцать часов уехал с женой по Пятницкой в легкой коляске на одной лошади... Москва развлекала ее [Юлию Сергеевну]; улицы, дома и церкви нравились ей очень; если бы можно было ездить по Москве в этих прекрасных санях на дорогах лошадей, ездить целый день от утра до вечера и при очень быстрой езде дышать прохладным осенним воздухом, то, пожалуй, она не чувствовала бы себя такой несчастной». В сентябре и в начале октября в Москве ездят еще на колесах. Недосмотр Чехова тем более странен, что он сам сделал все, чтобы его подчеркнуть. Юлия Сергеевна дышит «осенним воздухом», и в начале абзаца прямо сказано, что Лаптевы ехали «в легкой коляске».

Указание на этот промах Чехова и на несколько других, замеченных у него, делает А. Дерман в любопытной статье «Промак мастеров», напечатанной в последнем, 12-м номере «Кра-

сной Нови». Здесь собран целый ряд промахов различных писателей, до сих пор еще незамеченных. Они, как и промахи Гоголя, не кладут никакого сколько-нибудь заметного «пятна» на самое произведение. Но анализ и попытки объяснить возникновение этих всегда «добросовестных заблуждений» интересны для психологии художественного творчества.

Любопытную в этом отношении ошибку находим в 1-м томе «Войны и мира». Перед отъездом Андрея Болконского на войну, сестра его, княжна Марья, надевает ему на шею «старинный образок Спасителя с черным ликом в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы». В конце 1-го тома князь Андрей тяжело ранен в Аустерлинском сражении. Его, лежащего подле дрезва знаменья, замечает проезжий мимо Наполеон и приказывает отвезти на перевязочный пункт. «Солдаты, принесшие князя Андрея и снявшие с него поповский им золотой образок, навешанный на брата княжной Марьей, увидав ласковость, с которой обращался император с пленным, поспешили возвратить образок. Князь Андрей не видал, кто и как надел его опять, но на груди его, сверх мундира, очутился образок на мелкой золотой цепочке». Почему серебряные образок и цепочка сделались золотыми? Может быть, в первой сцене простота образа и цепочки должна была подчеркивать его исключительное значение, как семейной святыни, тем более, что эпизод с образом взят из семейных преданий писателя. Но во второй сцене роль образа меняется, — он становится предметом солдатского грабежа, и, в этом случае, художественная правда требует, что-

бы образок и цепочка были золотые.

Целую группу хронологических ошибок мы находим в исчислении времени, относящихся к семье Ростовых. Все помнят замечательную сцену возвращения Николая Ростова домой через «полтора года разлуки». Но если проверить этот срок по точным датам, указанным в романе, то окажется, что Николай Ростов уехал в армию в сентябре 1805 года и вернулся не позже февраля 1806 года, т. е. отсутствовал не полтора, а не более полугода, может быть, даже всего месяцев пять. Но в последнем случае терялась бы, в значительной мере, правдивость психологии Николая Ростова после его возвращения. Невязка оказалась здесь лишь в цифрах, но не в воображении писателя. События, происходившие одновременно в семье Болконских, вычислены правильно, и растянуты на протяжении пяти-шести месяцев. Таким образом, «в художественном плане, в биографии главных героев воображение Толстого по одной линии базировалось на представлении о пяти-шести месяцах, по другой линии о полутора годах. Как это могло произойти, — я не берусь сказать, — замечает Дерман, — это требует специального исследования на основе изучения рукописи и вариантов романа».

Целую цепь неточностей дает исчисление возраста сестер Ростовых — Наташи и Веры. Наташе в 1805 году было 13 лет, в 1809 ей должно было быть 17, а если счет вести от 1806 г. когда Толстой назвал Наташу 15-летней, то даже и все 18. А Толстой пишет: «Наташе было 16 лет, и был 1809 год, тот самый, до которого она четыре года тому назад по пальцам счи-

тала с Борисом после того, как она с ним поцеловалась». Зато возраст Веры Толстой преувеличивает и 2-жды старит ее. 17-летняя в 1805 году Вера становится к 1809 году уже 24-летней и выходит замуж за ничтожного Берга. «Психология этих ошибок ясна: Наташа это олицетворенная жизнь, сама молодость, и автор молодит ее даже путем ошибок. Вера старая с молодых лет, и автор старит ее не только в изображении, но и в невольной ошибке». Вообще же количество ошибок у Толстого, если принять во внимание, сколько им написано, и как сложны его произведения, очень ничтожно. Среди них есть одна странная и несколько раз повторяющаяся. Кутузов оказывается в некоторых случаях двухглазым, хотя на протяжении романа Толстой много раз настойчиво подчеркивает, что у Кутузова один глаз вытекший.

Редчайшими исключениями являются ошибки у Достоевского, несмотря на чрезвычайную поспешность, с которой он писал, и запутанность интриги. А. Дерман нашел только пять промахов, причем существенным является только один, — в той главе «Преступления и наказания», где описывается первое посещение Раскольниковым комнаты Софии Мармеладовой. Описание это сделано то «глазами Достоевского», то «глазами Раскольниковова», причем с начала указывается, что Раскольников «мельком успел охватить взглядом комнату», а дальше, София «молча смотрела на своего гостя, так внимательно и безцеремонно осматривающего ее комнату». А. Дерман дает объяснение этому противоречию, на наш взгляд убедительное, но на котором было бы слишком долго останавливаться.

Лишь четыре «промаха» обнаружил А. Дерман у Чехова. Один повторяется в различных вариантах трижды, — в рассказе «Счастье» и два раза в «Вишневом саде». Чехов говорит о «страшном звуке» в степи, проигравшем от сорвавшейся в шахте бадьи. Между тем, звук сорвавшейся бадьи не может быть слышен на расстоянии. В рассказе «Без заглавия» Чехов говорит о «струнах в органе», между тем, как в органе нет струн, а есть трубы. В рассказе «Случай из практики» в мае месяце под Москвой «брезжит рассвет» уже в 11 часов вечера, что противоречит действительности, между тем, в этом рассказе очень точно показаны часы действия.

Не будем продолжать дальнейших примеров. Отметим только, что у И. Бунина Дерман нашел лишь один промах в рассказе «Илья пророк», да и то исправленный писателем после того, как на это было указано. Почти нет промахов и у А. Куприна, если не считать ряда ошибок в рассказе «Жидкое солнце», где описываются различные научные приборы. В частности, писатель заставляет своего героя протирать стекла оптических приборов кусками замши и делать это «каждое утро». Между тем, дорогие оптические стекла протираются очень редко, т. к. снабжены приспособлениями, предохраняющими их от пыли, и протирать их замшей строжайшее воспрещается: — от этого на поверхности стекла образуются сетка тончайших царапин. А. Дерман, повидимому, готовит особый труд о писательских романах и просит доставлять ему материал. Это, несомненно, будет любопытная книга.

Р. Словцев.

* Цитируем по книжке В. Вережнев «Как работал Гоголь», Издательство «Мир», Москва, 1932 г., стр. 80.